

Подвиг как норма жизни

2 декабря 2011 | Ольга Штраус

Писательница из Новокузнецка Тамара Черемнова стала лауреатом Международного литературного конкурса «Русский stil», итоги которого недавно были подведены в Германии, а ее документальная повесть «Трава, пробившая асфальт», на днях вышедшая в издательстве АСТ, – один из номинантов премии «Национальный бестселлер» (вошла в лонг-лист).

Новости любопытные, но не сногшибательные. Если бы не одно обстоятельство. Тамара Черемнова – инвалид детства, проживает в доме-интернате. Из-за ДЦП не может самостоятельно не то что двигаться – даже ложку до рта донести. У нее серьезно нарушена речь, не прекращаются гиперкинез и спастика (это когда все тело сводит постоянными мышечными судорогами и подергиваниями). Более того, в 6 лет Тамаре врачи поставили диагноз: «олигофрения в степени дебильности».

С этим диагнозом она написала десятки сказок, выпустила несколько книг, вступила в Союз писателей. И даже (будучи прикованным к коляске инвалидом!) добилась отмены страшного психиатрического диагноза. Хотя ради этого ей и пришлось пойти до самого министра здравоохранения.

Вообще историю жизни Тамары Черемновой надо рассказывать как жития святых. А автобиографическую повесть проходить в школе, на уроках литературы. Как пример того, на что способен человеческий дух.

Дух или новые технологии?

Впрочем, чем больше времени проходит со дня моего знакомства с Тамарой, тем больше я задумываюсь над этим вопросом и не нахожу однозначного ответа.

Она родилась с врожденной патологией в семье простых, малообразованных людей. Но в семье сложносочиненной. Дед с бабкой (родные наполовину, у отца была другая мать), инвалид-тетка с малышом на руках, мать с отцом и сама больная девочка Тамара – все ютились в одном домике. Наверное, было тесно. Наверное, непросто наладить элементарный быт, тем более что в конце 50-х — начале 60-х никаких специализированных садиков для детей-инвалидов не было. Да и медицина не занималась так пристально детьми с ДЦП...

Так или иначе, но в 6 лет, когда в семье появилась здоровая сестренка, родители сдали Тамару в детдом. Правда, счастья это семье не добавило: родители вскоре развелись.

А для девочки, начавшей свои скитания по домам инвалидов и интернатам для психохроников, этот шаг навсегда остался незаживающей душевной травмой. Вечным предательством. При этом воспоминания о родном доме она сохранила как лучшие страницы жизни. Самодельные неуклюжие «ходунки», в которых она приноровилась преодолевать все преграды частного подворья. Сдержанную ласку близких, когда ее, зареванную («Я тоже хочу, почему только Сережке можно!»), дед на закорках поднимает на чердак, чтобы полюбоваться панорамой города...

Когда читаешь ее книгу «Трава, пробившая асфальт», понимаешь: это действительно бестселлер. И действительно – национальный. Быт и нравы закрытых медицинских учреждений, показанные глазами пациента, не просто впечатляют – ужасают.

Вот неподвижному ребенку ночью приспичило в туалет. Звать нянечку нельзя (раскритится, отругает). Значит, терпи до утра или мочись под себя («Здесь все так делают! Утром мы им постели меняем!»). Вот в доме-интернате случился пожар. И старшая сестра, отвечающая за эвакуацию, размышляет: то ли вытаскивать эту лежачую, то ли уж не трогать... И когда наутро близ корпуса штабелем лежат обгоревшие трупы, девочка Тома вдруг с ужасом вспоминает, как пацаны накануне пожара разговаривали о готовящемся поджоге...

Таких, как она — плохоговорящих, обездвиженных, — персонал зачастую воспринимал лишь как «объект попечения», отказывая им в самых основных, базовых человеческих свойствах: чувстве самоуважения, возможности самореализации... Верно, потому душевные люди, встретившиеся на жизненном пути, ценились Тамарой особо.

Навсегда, например, запомнила она педагога, которая начала читать больным детям вслух художественные книжки. Отрывок из «Кавказского пленника» Льва Толстого про

Жилина и Костылина (точнее – про два способа преодоления жизненных невзгод, про две модели поведения) не просто потряс Тамару – он навсегда врезался в ее память. Как и прочитанная потом самостоятельно книжка «За фронтом – фронт». (Выучиться чтению и счету в условиях психоневрологического интерната для «необучаемых» – это был отдельный подвиг).

— Как я сейчас понимаю, — смеется Тамара Александровна, — название этой книжки для меня имело символическое значение. Действительно, у меня потом вся жизнь так складывалась – за фронтом фронт.

Мы беседуем в ее комнате в Новокузнецком доме-интернате для инвалидов и престарелых. Рядом с Тамариной койкой – табурет с современным ноутбуком. Знаю, что сейчас для нее мир отнюдь не ограничивается общением с нянечками или с соседкой по комнате. Например, Тамара – член редколлегии столичного журнала для родителей «особенных детей», она постоянный участник популярного сайта «Страна мам».

— Вот скажите, — улыбается, — что мне, казалось бы, на этом сайте делать? А пригласили! Прочитали где-то в Интернете мои сказки – и позвали.

Точно так же, через всемогущий Интернет, нашла когда-то Тамару Черемнову замечательный человек, кандидат биологических наук, колумнист и общественный деятель Ольга Зайкина (ее пленил выложенный кем-то в сеть рассказ Тамары Черемновой «Запоздалый вальс осени»). Ольга написала про нее письмо губернатору Кемеровской области А.Г.Тулееву. Тамаре местные власти выделили 115 тысяч рублей — на приобретение компьютера и подключение к Интернету. Так она стала обрастать друзьями и творческими связями. А недавно кемеровские коллеги Тамары Черемновой – поэт Вячеслав Лопушной и его приятель-технар Борис Брод – создали для нее ее собственный персональный сайт: www.cheremnova.ru.

Даже странно представить, что свой путь в большую литературу она начинала с рассказиков, устно надиктованных малограмотной соседке и с огромным трудом переправленных в местную городскую многотиражку.

И все же... Как удалось бы ей преодолеть все эти немислимые препоны из медицинских и бюрократических обстоятельств, если бы не новые технологии нашей жизни?

«С тех пор мне стало везти...»

Сейчас Тамара признается: она стала писательницей, потому что поставила себе задачу: избавиться от неверного диагноза «олигофрения». В специализированном медицинском журнале вычитала, что дебилы не способны понимать подтекст произведения. «А я ведь к этому времени столько книг уже прочла, я-то знала, что это такое!». Психический диагноз обрекал ее провести всю оставшуюся взрослую жизнь в интернате для психохроников. И только издание Кемеровским книжным издательством в 1990 году ее первой книжки «Из жизни волшебника Мишуты», пожалуй, наконец-то убедило недоверчивых чиновников от медицины в умственной полноценности Тамары. Победы в последующих литературных конкурсах – для нее

уже не столь значимые вершины. Впрочем, и до этих вершин еще надо было дожить...

— Я бы никогда не рискнула написать автобиографическую повесть, если бы не писательница Мария Арбатова, — рассказывает Тамара Черемнова. — Это она меня подбила.

С Арбатовой Тамара познакомилась... по телевизору. Увидела ту в какой-то передаче, где Маша Арбатова выступала в роли правозащитницы, и решила написать ей про свою беду с диагнозом. Было это в 1989 году. Арбатова не только помогла Тамаре добиться пересмотра диагноза, но и уговорила взяться за мемуары.

— Я так боялась. Мне так тяжело было вспоминать и осмысливать всю свою жизнь, — признается сейчас Черемнова. — Я даже хитрила иногда: Арбатова торопит с книжкой, а я отвечаю: «Не могу пока, я должна сказку сначала закончить» — и срочно начинаю какую-нибудь сказку сочинять... Зато потом, когда выплеснула пережитое в слова, в литературный текст, мне и впрямь стало легче. Мне вообще стало везти с тех пор, как я познакомилась с Арбатовой, с Зайкиной, с другими своими московскими друзьями...

Когда-то, купив на первый свой литературный гонорар пишмашинку, Тамара с трудом ее осваивала: чтобы стучать по клавишам, ей пришлось даже изобрести специальное приспособление вроде «грибка» (по-иному попадать на нужные буквы непослушные руки не умели).

Сейчас с новым ноутбуком она управляется вполне ловко. Впрочем, нам не показала, как:

— Ужасное зрелище. Лежу на койке, свернувшись в узел, лучше вам этого не видеть.

За клавиатурой она проводит полтора-два часа в сутки. «Бывает, что загоню себя, и по три часа работаю, и больше. Потом не могу разогнуться. И глаза ничего не видят».

Она работает сейчас над рассказом «Кукушиха». Замечает:

— Наверное, вам уже из названия понятно, что я хочу там вывести женский психотип, похожий на мою мать.

Она не запираясь рассказывает о своих проблемах, но вообще-то с Тамарой Черемновой как-то не получается долго говорить о бедах и горестях. Разговор сам собой сворачивает на светлое. На способы письма. На любимые книги (Кастанеда и Экзюпери). На мечты и планы («Первое: хочу увидеть море. Хоть бы одним глазком! Второе (и оно у меня почти сбылось): хочу в Москву съездить. Меня на презентацию книги приглашали, департамент культуры даже деньги уже выделил, но что-то не срослось там, отменили поездку. И еще — хочу своего любимого Валерия Леонтьева лично увидеть. Может, доведется, а? Как вы думаете»). И смеется совсем по-девчоночьи.

Поразительно все-таки устроен человек! Как бы ни обделила его природа, он сумеет взять свое. И жизнь, как бы она ни складывалась, стоит того, чтобы ее прожить. Честно, от и до, не экономя своих усилий. Судьба награждает только за такой способ жизни.

Ольга ШТРАУС.

Фото Ярослава Беляева и из личного архива Тамары Черемновой.